

НАСЛЕДИЕ ЧЕРНОГО ЖЕЛЕЗА

МОЛИТВА
ИЗ СТОЧНОЙ КАНАВЫ

СВЯТОЙ ИЗ ТЕНИ

GARETH HANRAHAN

THE
GUTTER
PRAYER

BLACK IRON LEGACY

ГАРЕТ ХАНРАХАН

МОЛИТВА
ИЗ
СТОЧНОЙ
КАНАВЫ

fanzon

МОСКВА
2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
X19

Gareth Hanrahan
THE GUTTER PRAYER

Copyright © 2019 by Gareth Hanrahan
First published in Great Britain in 2019 by Orbit
Cover © by Richard Anderson - Flaptraps art LLC

Оформление обложки *Елены Куликовой*

Ханрахан, Гарет.

X19 Молитва из сточной канавы / Гарет Ханрахан ;
[перевод с английского Н. В. Иванова]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-111841-9

Три члена Гильдии воров преданы Мастером своего Братства. Отмщение раскрывает опасный заговор, семена которого были посеяны многие поколения назад. Кари — бродяга, чье прошлое и будущее мрачнее, чем она представляет. Крыс — упырь, собратья которого населяют катакомбы. Шпат — человек, подверженный страшной болезни, что медленно обращает его в камень. Молодые воры оказываются втянутыми в многовековую магическую войну между древними существами, магами и человечеством.

Шанс свел их вместе, и их дружба может встать на пути обезумевших богов.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Н. Иванов, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020
ISBN 978-5-04-111841-9

*Для Хелен,
которая велела мне написать книгу,
но, скорее всего, имела в виду не эту...*

Пролог

ТЫ СТОИШЬ НА СКАЛЬНОМ ПРИГОРКЕ, изрытом туннелями, как все здешние всхолмья, и с высоты смотришь на Гвердон. Перед тобой сердце старого города — его дворцы, церкви и башни тянутся ввысь, словно руки утопающего, стремятся вырваться из густого лабиринта улочек и обсевших их лачуг. Гвердон всегда был не в ладах сам с собою. Город строился поверх своих предшествующих воплощений, при этом отвергая их, сиюсь спрятать ошибки прошлого и явить миру новый лик. В усеянной шхерами гавани, которую прикрывают две длинные косы, мельтешат суда путешественников и купцов со всего света. Кто-то из них осядет здесь и сольется с извечным, непреложным Гвердоном.

Кто-то придет сюда, не путешествуя, а спасаясь. Вот ты стоишь сейчас зримым свидетельством свободы, что сулит Гвердон: свободы веры, свободы от угнетения и ненависти. Впрочем, свобода эта условна, непостоянна, в свое время город отдавал власть и тиранам, и фанатикам, и настоящим чудовищам — а ты в этом участвовал, — однако под своим непомерным весом, весом прошлого и мириад жителей, он опять по новой сползал под покров привычной, уютной коррупции, где все дозвонено, коли ты при деньгах.

Кто-то придет сюда завоевывать и покорять. Тех манит богатство. После одной такой распри родился ты, в честь победителя. Случается, что победители остаются здесь, и городская культура — посеянная и взошедшая — потихоньку в себя их впитывает. А бывает, они собираются с остатками сил и идут дальше, а Гвердон вновь

прорастает ввысь из щелбенки и пепла, вживляя в плоть свою паутину новых шрамов.

Тебе все это известно, как и много другого, что невозможно высказать вслух. Например, что два сальника сейчас на дежурном обходе, к западу от тебя, и двигаются они с неземной быстротой и изяществом, присущим их роду. Пламя, пляшущее внутри их голов, высвечивает на твоём боку барельеф — камень обессмертил лица покойных судей и государственных мужей, хотя тела их давно сгнули в трупных шахтах. Сальники вертятся туда-сюда, затем поворачивают направо на улицу Сострадания, минуя твои ворота под колокольной.

Тебе известно и ещё об одном патруле — эти пока на подходе, там, сзади.

А в промежутке между этими стражами в тени к тебе подкрались три вора. Первый выскакивает из темного проулка и карабкается на твою стену. Руки в лоскутах и лохмотьях с нечеловеческой скоростью находят в осыпающемся камне твоей западной стороны выемки для опоры. Вор пронесётся по низкой крыше и спрячется среди статуй с горгульями, когда мимо идет второй патруль сальников. Если даже они поднимут кверху свои мерцающие огненные глаза, то ничего неположенного не углядят.

Что-то в огне этих сальников вселяет в тебя тревогу, но ты не волен предаваться этому чувству — как и любому другому.

Молодой упырь добирается до узкой дверки, куда ходят рабочие, когда чистят свинцовую черепицу. Тебе известно — опять неизвестно откуда, — что дверца не заперта, что стражник, кому полагалось ее запереть, был подкуплен и сегодня пренебрег своим долгом. Молодой упырь трогает дверь, и та беззвучно открывается. Его темно-желтые зубы сверкают под луной.

Назад, на край крыши. Сальников выдает свет — они сейчас далеко, внизу улицы, и вор скидывает конец веревки. Другой грабитель появляется из того же проулка и лезет наверх. Это девушка. Упырь тянет, выбирая веревку, ловит ее за руку и тащит прочь от чужих глаз, пока нет другого обхода. Как только она касается твоих

стен, ты понимаешь, что в городе она первый раз — она странница, беглянка. Прежде ее ты не видел, но с прикосновением по тебе пробегает дрожь злости, будто бы ты способен разделить ее чувства.

Раньше ничего подобного ты не ощущал и теперь призадумался. Ее ненависть не к тебе, но к мужчине, который принудил ее прийти сюда ночью, но ты все равно изумлен этому странному чувству, пока оно гуляет вдоль конька твоей крыши.

Девушка тебе чем-то знакома. Девушка для чего-то важна.

Ты слышишь стук ее сердца, ее мелкие, суетливые вдохи, чувствуешь, как кинжал в ножнах надавливает на бедро. Однако что-то в ней кажется незавершенным. Что-то утеряно.

Они с упыренком исчезают за дверцей, мчат по твоим коридорам, мимо рядов кабинетов, а потом по боковой лестнице вниз, на первый этаж. Внутри побольше охраны, и она из людей — но сторожа разведены по хранилищам на северной стороне, под главной башней. Здесь, в логове бумаг и записей, их нет — двух грабителей так и не заметили, пока они спускались. Вот они подходят к одной из боковых дверей: для писцов и секретарей в рабочие дни. Та дверь под замком — и зарешечена, и засовы задвинуты, но девушка успевает отомкнуть замок, а засовами шерудит упырь. Дверь уже отперта, но они не открывают ее. Девушка прижалась к замочной скважине и наблюдает, ждет, пока сальники не пройдут снова. Ее рука ощупывает горло, как будто в поисках привычного ожерелья, однако шея голая. Девушка гневно щерится, и тебя буравит вспышкой ее злости из-за этого ограбления.

Ты прекрасно осведомлен об упыре, о его присутствии внутри тебя, но девушка ощущается намного жарче, и тебе передается ее возбужденное нетерпение — она ждет, пока марево от свечей сальников не истает. И боится — ведь сейчас наиболее опасная часть всего дела.

Она ошибается.

И снова сальники заворачивают на улицу Сострадания. Тебе хочется успокоить ее — все тихо, их не ви-

дать, — но не выходит обрести голос. Не важно: она открывает щелочку, делает жест — и последний из троицы громыхает к тебе из переулка.

Сейчас, когда он топает по улице в наибоыстрейшем темпе, на который способен, тебе ясно, зачем им понадобилось взламывать дверь первого этажа. Третий в их группе — каменный человек. Ты помнишь, когда эта хворь — или проклятие — пустила в городе первые корни. Ты помнишь панику, перепалки о высылках в лагерь, о карантине. Алхимики вовремя нашли подходящее средство, и полномасштабную эпидемию предотвратили. Но в городе по-прежнему остаются очаги, участки болезни — и поселения хворых страдальцев. Если вовремя не распознать первые признаки заразы, то получится вот такое вот чучело, что теперь пробирается на твой порог, — человек, чья плоть и кость мало-помалу обращаются в камень. Зараженные этой пакостью становятся безмерно сильны, только вот любой износ организма, любая ранка ускоряет, подстегивает их обызвествление. Внутренние органы поражаются последними, так что к концу они — живые статуи, не способные ни ходить, ни видеть, навсегда прикованные к своему месту. Дышат они с трудом и сохраняют жизнь только благодаря милости других.

Этот каменный человек еще не был парализован, хотя и шел, неуклюже подтягивая правую ногу. Девушка морщится от шума, когда закрывает за ним дверь, зато ты чувствуешь доселе незнакомую дрожь радости, когда все друзья оказались теперь в безопасности. Упырь уже двигался дальше, трусил по длинному тихому проходу, обычно полному узников и стражей, свидетелей и судебных, стряпчих и лжецов. Он бежал на четвереньках, как серый пес. Девушка и каменный человек за ним, она, как и раньше, на ходу пригибалась, но его тело не было настолько податливым. На счастье, окна прохода не выходили на улицу, поэтому, если патрульные сальники и глянули б в эту сторону, не заметили бы его.

Воры ищут что-то. Осматривают одну комнату, потом другую. Эти комнаты были под надежной защитой, закрыты железными дверьми, но камень сильнее, и камен-

ный человек гнул или ломал эти двери одну за другой, оставляя дыру, достаточную, чтобы упырю или девушке-человеку протиснуться внутрь.

Раз девушка ухватила каменного человека за локоть и поторопила его идти дальше. Уроженка города в жизни не сделала бы ничего подобного добровольно, разве только имела бы при себе снадобье алхимика. Проклятие заражает через прикосновение.

Они обыскали новую комнату, затем еще и еще. Там были сотни тысяч бумаг, упорядоченных по тайной секретарской схеме — она шепотом передавалась из уст в уста, как секрет фамильного клада. Если бы ты знал, что ищут воры, и они бы понимали твою речь, то, наверно, смог бы подсказать им, где это найти. А так они шарили почти вслепую.

Они искали — и не могли отыскать. Нарастала тревога. Девушка спорила — им пора уходить, бежать, пока их не раскрыли. Каменный человек качал головой, упрямый и непреклонный, как... ну да — как камень. Упырь держал мысли при себе, но горбился, надвигал на лицо капюшон, как бы отстраняясь этим от спора. Поиски продолжались. Быть может, оно в следующей комнате.

Внутри тебя, в другом помещении, один охранник спросил другого, не слышит ли тот кой чего. А то вдруг не взломщики ли к ним пробрались? Остальные стражники с любопытством переглянулись, и тут в отдалении каменный человек вышиб очередную дверь, и теперь внимательная и чуткая охрана определенно это услышала.

Тебе известно — известно одному лишь тебе, — что стражник, предупредивший товарищей, и был тем, кто оставил незапертой дверцу на крыше. Стражники рассредотачиваются, бьют тревогу и начинают прочесывать твой лабиринт. Три грабителя разделяются, пытаются ускользнуть от преследователей. Ты видишь погоню с обеих сторон — и жертв, и охотников.

И после того как охранники покидают пост в хранилище, внутрь проникают другие. Двое, трое, четверо забираются откуда-то снизу. Как же ты до этого их не чувствовал? Как же они подступили к тебе, вошли в тебя

незамеченными? Они двигаются согласованно, опытно, каждое движение их выверено. Заслуженные мастера в своем деле.

Стражники обнаруживают устроенный каменным человеком погром и начинают обыскивать южное крыло, но твое внимание сосредоточено на незнакомцах в хранилище. Стража ушла, и они работают беспрепятственно. Они разматывают некий сверток, прислоняют к дверям хранилища, зажигают фитиль. Он вспыхивает ярче свечи любого сальника, шипит, взрывается, а затем...

...Ты горишь, ты пробит, разорван, ввергнут в крошечный хаос. Пламя струится по тебе, все эти тысячи документов занимают в один миг, старые деревянные полы подпитывают страшную геенну. Трещат камни. Твой западный коридор схлопывается, каменные лица судей валятся на улицу и раскалываются о бульжник. Огонь ошеломляет тебя, и твое *знание* событий умягчается. Любая поглощенная им твоя часть больше не твоя, а просто горящая головня. Огонь тебя пожирает.

Но ты еще видишь грабителей — упыря, каменного человека и девушку-странницу, что за единый миг научила тебя ненавидеть. Вскоре ты наверняка перестанешь их узнавать. Они мечутся то тут, то там, в твоём стремительно распадающемся сознании, перебегая по разным частям тебя.

Когда девушка мчится через центральный двор, а сальник за ней вдогонку, ты ощущаешь каждый шаг, каждый панический вздох, пока она виляет, пытаясь оторваться от существа, движущегося куда скорее, чем тот предел, на который ее людская плоть могла и надеяться. Все же беглянка умна — ловко срезает угол обратно в горящее крыло и пропадает из твоего восприятия. Сальник мешкает бросаться за ней в пламя — боится преждевременно растаять.

Ты теряешь след упыря, но каменного человека заметить легко. Он выкатывается в зал Верховного суда, ударяется о деревянные сиденья, где восседают Справедливость и Милосердие, когда идут прения и слушания дел. Бархатные подушки зрительской галереи уже в огне.

Вваливаются новые преследователи. Он слишком медлителен, не убежать.

Вокруг тебя, вокруг того, что от тебя осталось, разлетаются сигналы тревоги. Пожар таких размеров обязан быть удержан на месте любой ценой. Люди из домов по соседству бросают жилища либо окатывают водой свои крыши: их подпалили искры твоего огненного ада. Другие толпятся, пялят глаза, будто разрушение одного из величайших учреждений города устроили между делом им на забаву. По улицам спешат повозки алхимиков с чанами подавляющих пламя жидкостей — получше воды, если сталкиваетесь с таким пышущим горнилом, как это. Опасность большого огня в городе им знакома: бывало, в прошлом бушевали грандиозные пожарища — правда, за последние десятилетия ни одного. Пожалуй, с алхимическим варевом и выучкой городской стражи людям удастся сдержать пожар.

Но для тебя это уже слишком поздно.

Слишком поздно, и ты слышишь, как твои сестры и братья кричат, разносят тревогу, поднимают город навстречу опасности.

Слишком поздно, и ты осознаёшь, кто ты есть. Твое сознание ужимается, прячется внутрь сосуда-носителя. Вот кто ты есть, если даже и не был таким всегда.

Тебя охватывает другое чувство — страх, — когда пламя карабкается вверх по башне. Что-то под тобой проламывается, и башня резко оседает набок, раскидывая тебя во все стороны по камешку. Твой голос — лязг среди гамы и суматохи, зычный предсмертный хрип.

Твои опоры ломаются, и ты падаешь.

ГЛАВА 1

КАРИЛЛОН ЗАТАИЛАСЬ В ТЕНИ, не сводя с двери глаз. В руке нож — скорее самовнушение для храбрости, а не смертоносное оружие. Она дралась и прежде, бывало, и резала, но сталью не убивала никого. Полоснуть и смыться — вот ее стиль.

Если появится один стражник, то она выждет, пока он пройдет мимо ее укрытия, потом подкрадется и вскроет ему глотку. Нет. Она попыталась отмахнуться от этой картины. Не получилось. Может, удастся просто напугать его и свалить — ну ладно, пырнуть в ногу, чтобы не смог броситься в погоню.

Если их двое, то она дождется, пока друзья не окажутся рядом, пропишит им сигнал и прыгнет на одного охранника. Уж втроем-то со Шпатом и Крысом они наверняка снимут двух стражников и не спалятся.

Наверняка.

Если трое, план тот же, только будет чуть опаснее.

Она не стала обдумывать худой случай — что среди них окажутся не такие же, как она, люди, те, кого сможет порезать ее жалкий кинжальчик, а нечто пострашнее, вроде сальников или бакланьих бошек. Этот город наплодил кошмаров себе под стать.

Все ее инстинкты твердили бежать, забирать друзей и уматывать — уж лучше рискнуть гневом Хейнрейла за возвращение с пустыми руками. А еще лучше не возвращаться совсем, а выбрать Вдовьи либо Речные ворота, сейчас же ночью выйти из города и до рассвета убраться отсюда на дюжину миль.

Шестеро. Дверь открылась, и стояло там шесть стражников, людей — раз-два-три здоровых лба в мореной ко-

же с булавами в руках и еще трое с пистолетами. На миг она застыла в ужасе, не в силах нападать, не в силах бежать. Приперта к старой каменной холодной стене.

А потом... она почувствовала, как эта стена содрогнулась еще до того, как раздался рев и грохот. Вся Палата Закона словно бы раскололась. Она жила в Северасте в то время, когда там тряхнуло землю, но тогда было по-другому — а тут похоже на удар молнии и громовой треск прямо над ней. Она выскочила не думая, словно ее в самом деле отбросило взрывом, и прыгнула меж опешивших стражников. Один бахнул из пистолета — щекотнули искры, голову обдало дуновением, и по спине замолотили осколки металла и камня, но боль не распустила бутон, и уже на бегу она поняла, что не задета.

За мной, молила она и наобум мчалась по коридорам, кидалась наугад в разные комнаты и отлетала от закрытых дверей. Судя по крикам за спиной, кто-то за ней таки погнался. Это как воровать на рынке фрукты — один устраивает беготню всем напоказ, отвлекая торговца, а другие хватают по яблоку и еще одно бегуну. Только если ее поймают сейчас, то не отпустят, просто закатив взбучку. Все равно шанс в скорости у нее, а не у Шпата.

Она взбежала по короткой лесенке, и там из-под двери пробивалось оранжевое свечение. Сальники, решила она, представив на той стороне их пылающие фитили, прежде чем осознала — вспыхнуло и объято огнем все северное крыло здания! Стража уже близко, поэтому дверь настезь и туда, пригнувшись пониже от струй густого черного дыма.

В обход, по краешку горящей комнаты. Это библиотека, с рядами многоярусных полок, а на них — переплетенные тканью книги, учетные журналы гражданских ведомств, парламентские протоколы. Библиотека занимала полкомнаты. Вторая же половина только что *была* библиотекой. Старые книги прогорают быстро. Она схватилась за стену и на ощупь побрела сквозь дым, не отрывая правую руку от каменных блоков, а левой разгребала воздух перед собой.

Один из стражников оказался храбр и ворвался следом, но, догадалась она по крику, решил, будто она ри-